

ГАЛАКТИКА

В ЕЁ ОБЪЯТИЯХ

АВТОР: КИРА СИ

18+

Кира Си

Галактика в её объятиях

«Автор»

2026

Си К.

Галактика в её объятиях / К. Си — «Автор», 2026

Эймара — не просто планета. Она дышит, чувствует, ревнует и помнит каждую боль, причинённую чужаками. Селена — последняя жрица живого мира. Её смех заставляет расцветать пустыни, её слёзы превращаются в кислотные дожди, а сердце принадлежит планете, которая любит её слишком сильно, чтобы отпустить. Вандо — космический исследователь, потерпевший крушение на её планете. Чтобы быть вместе, им придётся доказать живой планете: любовь — не предательство. Любовь — новая форма жизни. «Галактика в её объятиях» — чувственный фантастический роман о страсти, ревности целого мира и любви, способной изменить судьбу планеты.

© Си К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кира Си

Галактика в её объятиях

Глава 1

Последняя жрица Эймары

Селена проснулась от того, что планета дышала слишком часто.

Не ветер тревожил тонкие занавеси у открытых арочных окон, не ночные птицы, прятавшиеся в лианах храма, и не далёкий рокот океана, которого здесь, у Великой внутренней пустыни, быть не должно. Дышала сама Эймара — глубоко, неровно, будто живое существо, которому приснился тяжёлый сон.

Селена лежала на широком каменном ложе, укрытая лёгкой тканью цвета молочного рассвета, и смотрела в потолок, где тысячи крошечных светящихся спор медленно кружились в воздухе. Они мерцали, как звёзды, пойманные под куполом древнего храма. Каждая спора реагировала на её настроение. Когда Селена была спокойна, они горели мягким золотом. Когда боялась — становились синими. Когда сердилась — наливались тревожным багрянцем.

Сейчас над ней плавало серебристо-зелёное сияние.

Тревога.

— Я слышу тебя, — прошептала Селена, прикрыв глаза.

Под ладонью, лежавшей на камне, дрогнуло тепло. Сначала едва заметно, затем сильнее. Камень под её пальцами был не мёртвым. В жилах храма текли соки планеты, густые, светящиеся, горячие. Они пульсировали, как кровь.

Эймара отвечала.

Не словами. Не так, как говорили люди. Её голос был в ритме корней, в запахе влажной земли, в движении облаков, в появлении цветов там, где ещё вчера была безжизненная пыль. Селена понимала этот язык с самого детства. Иногда ей казалось, что она родилась не из тела матери, а из тёплого дыхания самой планеты.

Она была последней жрицей Эймары.

Последней, кто мог слышать её боль.

Последней, кто мог успокаивать её гнев.

Последней, кого планета любила так сильно, что эта любовь порой становилась похожа на цепь.

Селена медленно поднялась. Тонкая ткань соскользнула с её плеч, прохладный воздух коснулся кожи. Ночь была влажной, пряной, наполненной ароматом распустившихся лунных цветов. Где-то внизу, у подножия храма, шелестел сад. Он никогда не спал. В нём шевелились широкие листья, раскрывались бутоны, светились стебли, похожие на стеклянные нити.

Но сегодня сад звучал иначе.

Нетерпеливо.

Настороженно.

Селена подошла к окну. Храм Сердца стоял на краю огромной долины, где зелень внезапно обрывалась, уступая место пескам. Днём пустыня казалась мёртвой — белой, сухой, ослепительной. Ночью она переливалась бледным фиолетовым светом под двумя лунами. Первая луна была крупной и медной, вторая — маленькой, голубой, похожей на застывшую слезу.

Селена вдохнула.

И сразу почувствовала чужое.

Не запах. Не звук. Скорее — присутствие. Тонкий разрез в привычной ткани мира. Что-то далёкое, холодное, металлическое приближалось к атмосфере Эймары, оставляя за собой след из огня и незнакомых намерений.

Она нахмурилась.

— Нет, — тихо сказала она. — Только не снова.

Планета ответила толчком. Где-то в глубине долины хрустнула порода, и по стенам храма пробежали тонкие зелёные трещинки света.

Селена резко обернулась, будто могла увидеть того, кто потревожил их покой. Но за её спиной были лишь мягкие тени, колонны, оплетённые живыми лозами, и чаши с водой, в которых отражалось ночное небо.

На Эймару редко прилетали чужаки. Последний корабль появлялся одиннадцать лет назад — исследовательская группа с планеты Нордан. Они пришли с улыбками и приборами, обещали только наблюдать, только изучать, только понять. А потом один из них попытался вскрыть живой корень под святилищем, чтобы забрать образец.

Эймара тогда плакала три дня.

Кислотными дождями.

Двое чужаков погибли, остальные улетели, проклиная «проклятую планету». С тех пор в межпланетных архивах Эймару называли нестабильной, опасной, нежелательной для контакта.

Селена не возражала. Пусть боятся. Пусть держатся подальше.

Она провела пальцами по запястью, где под кожей едва заметно светился знак жрицы — тонкий узор, похожий на переплетение корней и звёздных орбит. Знак появился в день её шестнадцатилетия, когда Эймара окончательно выбрала её. С тех пор Селена не покидала храм надолго. Не могла.

Если она уходила слишком далеко, планета тревожилась.

Если она плакала, небеса разъедало кислотой.

Если смеялась, пустыни цвели так бурно, что их аромат мог свести с ума.

Если её сердце билось слишком быстро

Селена сжала пальцы на подоконнике.

Она не знала, что случится, если однажды её сердце забьётся не от страха и не от служения.

А от желания.

Глухой рокот разорвал небо.

Селена подняла голову.

Высоко над долиной вспыхнула огненная черта. Она прорезала тёмную синеву атмосферы, оставляя за собой дымный след. Чужой корабль входил слишком резко, почти падая. Его корпус горел на границе облаков, и на мгновение Селене показалось, что с неба сорвалась не машина, а раненая звезда.

Эймара вздрогнула.

Сады у подножия храма заволновались. Лианы поползли по камням, листья повернулись к небу, цветы закрыли лепестки, будто перед бурей. Из земли поднялся низкий стон — не звук, а вибрация, прошедшая по костям Селены.

— Спокойно, — прошептала она и приложила ладони к груди. — Он ещё ничего не сделал.

Но планета не верила.

Корабль падал всё ниже. Его траектория смещалась к северной части долины, туда, где начиналась Стеклянная равнина — место, покрытое тонкими кристаллами, выросшими после древних молний. Если корабль разобьётся там, осколки разнесёт по всей округе. Если в его двигателях есть токсичное топливо, Эймара почувствует отравление как ожог.

Селена не раздумывала.

Она схватила лёгкий плащ, набросила его на плечи и выбежала из покоев. Каменный пол под босыми ступнями был тёплым и живым. Храм распахивал перед ней проходы сам: лозы отступали, двери раскрывались, светящиеся чаши загорались одна за другой.

— Позови мховых оленей, — попросила она.

В ответ из сада донёлся тихий многоголосый свист.

Пока Селена спускалась по винтовой лестнице, стены храма показывали ей обрывки чужого приближения: раскалённый металл, вспышки приборов, тревожный пульс одного человеческого сердца. Нет, не совсем человеческого. Другого. Сильнее, ровнее, глубже. Этот ритм не принадлежал ни одному народу, с которым Эймара сталкивалась прежде.

Селена замедлила шаг.

Сердце чужака билось упрямо.

Не в панике.

Не в мольбе.

В борьбе.

Он пытался удержать корабль.

Почему-то это рассердило её меньше, чем должно было. Он не был безвольным захватчиком, летящим с жадностью к неизвестной земле. Он был человеком — или почти человеком — на грани гибели.

Она выбежала в сад.

Ночной воздух ударил в лицо влажным теплом. У ступеней уже ждали мховые олени — высокие, тонконогие создания с мягкой зелёной шерстью и рогами, похожими на ветви. Их глаза светились янтарём.

Селена подошла к ближайшему и положила ладонь ему на шею.

— Быстро, Лиор.

Олень опустил на передние ноги, позволяя ей взобраться. Едва Селена села, он сорвался с места. Сад расступался перед ними, листья касались её ног, будто пытаясь удержать. Она чувствовала тревогу Эймары каждой клеткой тела.

Корабль уже скрылся за скалами, но его падение озарило горизонт. Потом раздался удар.

Земля содрогнулась.

Селена вскрикнула, вцепившись пальцами в мягкую гриву Лиора. На мгновение из песков поднялся столб голубого пламени. За ним — тёмный дым. Птицы взмыли из деревьев, а из глубины пустыни раздалось низкое шипение кристаллов, потревоженных огнём.

— Я знаю, — выдохнула Селена, чувствуя, как планета собирает внутри себя гнев. — Я знаю, тебе больно.

На её щеке появилась первая капля дождя.

Селена замерла.

Дождь был тёплым, почти нежным. Но через миг капля упала на лист рядом с ней, и на зелёной поверхности вспухла тёмная дырочка.

Кислота.

— Нет, Эймара, не надо.

Но небо уже темнело. Облака закручивались над долиной, тяжёлые и низкие. Если дождь усилится, чужак, даже выживший после падения, не доберётся до укрытия.

Селена сжала зубы. Она не обязана была спасать его. Он вторгся в их мир, пусть и не по её зову. Чужаки всегда приносили боль. Всегда хотели брать — образцы, знания, власть, красоту. Никто не спрашивал, хочет ли Эймара быть изученной. Никто не понимал, что планета — не ресурс, не загадка для отчётов, а живая душа.

И всё же

Она снова уловила тот пульс.

Сердце чужака билось слабее, но всё ещё упрямо.

Лиор вынес её к краю Стекло́нной равнины. Под лунами она сияла, как разбитое зеркало. Вдалеке, среди кристаллов, лежал корабль. Его корпус был вытянутым, тёмным, с серебряными прожилками. Он напоминал хищную птицу, сломанную в полёте. Из бокового отсека валил дым.

Селена прыгнула на землю. Стекло́нные иглы хрустнули под босыми ногами, но не ранили её — планета смягчила путь. Лиор тревожно фыркнул и отступил.

— Оставайся здесь.

Дождь начал усиливаться. Капли падали на кристаллы с тихим ядовитым шипением. Селена подняла руку, и над ней раскрылись широкие листья ближайших ползучих растений, создавая живой навес. Но вокруг корабля зелени не было. Только дым, жар и металл.

Чужой металл.

Она приблизилась осторожно.

Часть обшивки была разорвана. Внутри мигали красные огни. Раздавались короткие сигналы приборов, затем чей-то низкий голос произнёс фразу на незнакомом языке. Автоматический помощник? Бортовая система?

Селена коснулась корпуса.

И тут же отдернула руку.

Металл был горячим, но не это заставило её вздрогнуть. Внутри корабля была боль. Не такая, как у растений или животных. Холодная, собранная, сжатая в кулак. Боль того, кто привык терпеть молча.

— Ты жив? — спросила она, хотя не знала, поймёт ли её чужак.

Ответа не было.

Селена обошла корабль и нашла аварийный люк. Он был деформирован ударом. На панели рядом мерцали символы. Она не знала их значения, но Эймара помогла: тонкие корни, пробившиеся сквозь трещины в кристаллах, потянулись к механизму, ощупали края, нашли слабое место.

— Осторожно, — прошептала Селена.

Корни сжались.

Металл застонал.

Люк сорвало наружу.

Изнутри вырвался горячий воздух, пахнувший озоном, кровью и горелой пылью.

Селена прикрыла лицо рукавом плаща и заглянула внутрь. В полумраке кабины она увидела его.

Мужчина сидел в кресле пилота, удерживаемый ремнями. Голова была опущена, тёмные волосы упали на лоб. На виске — кровь. Его кожа имела необычный оттенок: тепло-бронзовый, с едва заметным серебристым свечением под ключицами и на шее, словно в его венах прятались звёзды. Он был широкоплечим, высоким, сильным даже в беспмятстве. Одна рука сжимала рычаг управления так крепко, будто он и после падения не собирался сдаваться.

Селена застыла.

Она ожидала увидеть врага.

Исследователя.

Нарушителя.

Но перед ней был живой человек, раненый и беззащитный, и почему-то от этого её грудь сжалась слишком сильно.

В этот миг мужчина резко вдохнул.

Его глаза открылись.

Селена отшатнулась.

Глаза у него были цвета далёкого космоса — тёмные, почти чёрные, но в глубине их мерцали золотистые искры. Он смотрел на неё несколько секунд, не понимая, где находится. Потом его взгляд стал осознанным, острым, опасным.

— Кто ты? — спросил он хрипло.

Селена не сразу ответила. Она удивилась, что понимает его. Видимо, его костюм или встроенный переводчик ещё работал.

— Та, на чью планету ты упал.

Мужчина попытался двинуться, но поморщился от боли. Его взгляд скользнул по её лицу, по светящемуся знаку на запястье, по живым листьям над её головой, защищавшим её от кислотного дождя.

— Планета — Он тяжело выдохнул. — Эймара?

Селена напряглась.

— Ты знаешь её имя.

— Я прибыл для исследования. Моё судно попало в гравитационный разлом. Я не планировал посадку.

— Это была не посадка. Это было падение.

Уголок его губ дрогнул — не улыбка, скорее след упрямства.

— Заметил.

Селена должна была разозлиться. Чужак лежал в разбитом корабле посреди её мира и ещё находил силы отвечать с этой сухой дерзостью. Но вместо злости она почувствовала странное тепло. Непрошеное. Опасное.

Снаружи громыхнуло.

Кислотный дождь усилился, забарабанил по корпусу корабля. Металл начал дымиться.

Мужчина повернул голову к проёму люка.

— Атмосферные осадки агрессивны?

— Это не атмосфера, — сказала Селена. — Это она злится.

Он снова посмотрел на неё.

— Она?

— Эймара.

На мгновение между ними повисла тишина. В его взгляде мелькнуло то, что Селена видела у всех чужаков: сомнение, попытка объяснить невозможное привычными словами. Биореактивная экосистема. Психотропная связь. Планетарный организм. Симбиоз.

Но он не произнёс ни одного из этих холодных терминов.

— Значит, мне лучше не раздражать её сильнее, — сказал он.

— Умная мысль.

Она шагнула внутрь корабля. Пространство было тесным, жарким. Ей пришлось наклониться, чтобы пройти между искорёженными панелями. Когда она приблизилась, мужчина насторожился. Не испугался — приготовился. Даже раненый, он оставался опасным.

— Я помогу тебе выбраться, — сказала Селена.

— Почему?

Вопрос был слишком прямым.

Селена замерла.

Потому что Эймара убьёт тебя, если я уйду.

Потому что я не хочу снова слышать, как кто-то умирает под её дождём.

Потому что, когда ты открыл глаза, пустыня на мгновение перестала казаться мёртвой.

Она выбрала самый безопасный ответ:

— Потому что я жрица. Я храню жизнь.

Мужчина смотрел на неё долго. Слишком долго. Его взгляд был тяжёлым, внимательным, почти осязаемым. Селена вдруг почувствовала, как тонкая ткань плаща липнет к влажной коже, как быстро бьётся сердце, как тесно стало в разбитой кабине.

Она потянулась к креплению ремней.

— Не двигайся.

— Я не привык подчиняться незнакомкам.

— Тогда привыкай, если хочешь пережить эту ночь.

Теперь он действительно почти улыбнулся.

— Вандо, — сказал он.

Селена подняла глаза.

— Что?

— Моё имя. Вандо Арк. Межпланетный исследователь третьего сектора.

Она коснулась замка ремня, и тот щёлкнул.

— Селена.

Его взгляд задержался на её лице.

— Просто Селена?

— Для тебя — да.

Снаружи ударила молния. В ту же секунду корабль трянуло, и Вандо, освобождённый от ремней, резко подался вперёд. Селена не успела отступить. Он упал бы, если бы она не поддержала его.

Их тела столкнулись.

Его ладонь случайно легла ей на талию, горячая даже через тонкую ткань. Селена почувствовала его дыхание у своего виска, тяжёлое, неровное, пахнущее дымом и чем-то незнакомым — острым, тёплым, как воздух перед грозой. Она застыла, удерживая его, и на один короткий миг весь мир сузился до этой близости.

До его руки.

До её пальцев на его груди.

До бешеного стука двух сердец.

Эймара слышала.

Земля под кораблём содрогнулась так сильно, что кристаллы вокруг зазвенели. Из трещин мгновенно полезли лианы — толстые, тёмные, влажные. Они обвили опоры корабля, впились в металл, будто хотели раздавить его.

Селена резко отстранилась.

— Нет! — закричала она в дождь. — Он ранен!

Лианы замерли.

Но не отступили.

Вандо, тяжело дыша, посмотрел сначала на них, потом на Селену.

— Это из-за меня?

Она не ответила.

Потому что не знала, как объяснить ему страшную правду: Эймара отреагировала не на его присутствие.

А на то, что Селена почувствовала, когда он прикоснулся к ней.

Она помогла ему выбраться из кабины. Вандо оказался тяжелее, чем выглядел, но всё же держался на ногах. Его рука лежала на её плечах, и каждый его шаг отдавался в ней странной дрожью. Селена пыталась не думать о близости его тела, о силе под повреждённым костюмом, о том, как его пальцы сдержанно, почти бережно касались её руки.

Дождь шипел вокруг них. Листья над Селеной раскрывались шире, защищая и её, и Вандо. Но несколько капель всё же попали на его рукав, прожигая ткань.

Он поморщился.

— Уютная у тебя планета.

— Она не любит незваных гостей.

— А ты?

Селена бросила на него быстрый взгляд.

Вопрос прозвучал тише, чем предыдущие. И почему-то глубже.

— Я ещё не решила.

Они дошли до Лиора. Мховой олень тревожно переступил ногами, но позволил Вандо опереться на себя. Селена забралась следом, оказавшись впереди. Вандо сел позади неё. Слишком близко. Его грудь почти касалась её спины, его дыхание согревало ей шею.

Селена закрыла глаза на мгновение.

Не сейчас.

Не думать.

Не чувствовать.

Но Эймара чувствовала за неё.

Где-то далеко, на краю пустыни, под кислотным дождём внезапно раскрылись первые цветы — яркие, алые, невозможные в это время ночи. Они вспыхивали один за другим, словно маленькие сердца, пробуждённые в песке.

Селена увидела их и похолодела.

Вандо тоже смотрел туда.

— Это нормально?

— Нет, — тихо ответила она.

— Что это значит?

Селена взяла повод из живой лозы, и Лиор сорвался с места, унося их прочь от разбитого корабля, от дымящихся кристаллов, от грозового неба.

Она не обернулась.

Потому что боялась, что Вандо увидит её лицо.

Боялась, что он поймёт.

Боялась, что сама Эймара уже поняла.

Алые цветы продолжали распускаться в мёртвой пустыне, несмотря на кислотный дождь.

И впервые за много лет планета не просто злилась.

Она ревновала.

Глава 2

Храм, который ревновал

Храм Сердца встретил Вандо тишиной.

Не той тишиной, что бывает в пустых залах или заброшенных руинах. Эта тишина была живой. Она наблюдала. Она дышала сквозь стены, шевелилась в лианах, пряталась в чашах с мерцающей водой и в тёмных углах между колоннами.

Селена почувствовала это сразу, как только мховой олень вынес их из дождя к подножию храма.

Эймара не хотела впускать чужака.

Ступени перед ними едва заметно дрогнули. Камень потемнел, будто наполнился глубокой обидой. Лианы, обычно мягко обвивавшие колонны, вытянулись вперёд, как настороженные змеи. Над садом висел запах мокрой земли, кислоты и распустившихся слишком рано цветов.

Вандо, сидевший позади Селены, тяжело дышал. Его рука всё ещё лежала у неё на талии — не из дерзости, а потому что иначе он не удержался бы в седле. Но Эймара не различала причины. Она чувствовала только прикосновение.

И ревновала.

— Тебе нужно убрать руку, — тихо сказала Селена.

Вандо медленно отнял ладонь.

— Твоя планета снова злится?

— Она не моя.

— А выглядит так, будто ты принадлежишь ей.

Селена не ответила. Потому что он попал слишком близко к правде.

Она спрыгнула на каменные плиты и протянула ему руку. Вандо посмотрел на неё с коротким сомнением, но всё же принял помощь. Когда его пальцы коснулись её ладони, по храму пробежал низкий гул.

Лианы на колоннах сжались.

— Не надо, — прошептала Селена, обращаясь не к нему.

Вандо услышал.

— Ты говоришь с ней постоянно?

— Когда она слушает.

— А когда не слушает?

Селена посмотрела на тяжёлые облака, всё ещё нависавшие над долиной.

— Тогда начинается буря.

Он хотел усмехнуться, но боль скрутила его лицо. Селена заметила, как он побледнел. Кровь на его виске уже подсохла, но рана на боку, скрытая под повреждённой тканью костюма, темнела всё сильнее.

— Идём, — сказала она. — Тебе нужна помощь.

Вандо сделал шаг и покачнулся. Селена подхватила его, хотя он был почти вдвое тяжелее её. На мгновение его грудь прижалась к её плечу, и она ощутила жар его тела.

Храм отреагировал мгновенно.

Из трещин между плитами вырвались тонкие корни и обвили сапог Вандо.

Он резко опустил взгляд.

— Селена.

— Я вижу.

Она опустила на колени и коснулась корней. Под пальцами они дрожали, как напряжённые мышцы.

— Он ранен. Он не угроза.

Корни не отпускали.

Селена закрыла глаза и позволила Эймаре почувствовать её дыхание. Спокойнее. Глубже. Мягче. Она послала планете образ: раненое существо в ночи, кровь на металле, сердце, которое всё ещё борется.

Корни медленно разжались.

Вандо освободил ногу, но не двинулся сразу.

— Она понимает тебя.

— Не так, как ты думаешь.

— А как?

Селена поднялась.

— Глубже.

Они вошли в храм.

Внутри было тепло и влажно. Стены светились изнутри зелёными прожилками, словно по ним текла кровь самой планеты. В высоких нишах раскрывались лунные цветы, их лепестки излучали мягкий серебристый свет. Под потолком плавали сияющие споры. Когда Вандо переступил порог, они вспыхнули тревожным синим.

Он поднял голову, изучая всё вокруг.

Даже раненый, он смотрел не как испуганный пленник. Он смотрел как человек, который привык понимать невозможное. В его взгляде не было жадности, как у тех чужаков, что прилетали раньше. Не было холодного расчёта. Только напряжённое восхищение и осторожность.

Селена заметила это и почему-то почувствовала облегчение.

— Не трогай ничего без моего разрешения, — предупредила она.

— Я уже понял, что здесь всё может потрогать меня в ответ.

Она невольно улыбнулась.

И тут же пожалела.

Где-то в дальнем зале распустились десятки цветов. Сладкий аромат хлынул в коридор, густой, дурманящий.

Вандо посмотрел на неё.

— Это тоже из-за меня?

— Не задавай лишних вопросов.

— Значит, да.

Селена ускорила шаг.

Она привела его в лечебную купель — круглую залу с низким потолком, где в центре находился бассейн с прозрачной водой. На первый взгляд вода казалась обычной, но в глубине её плавали тонкие светящиеся нити. Они лечили ткани, вытягивали яд, сращивали кости. Селена сама много раз входила в эту купель после ритуалов, когда связь с планетой становилась слишком болезненной.

— Садись, — сказала она.

Вандо опустился на каменный выступ у воды. Его дыхание стало тяжелее. Он держался упрямо, но Селена видела: силы уходили.

— Нужно снять верхнюю часть костюма.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Ты уверена?

— Я не смогу обработать рану через ткань.

Вандо несколько секунд молчал, затем попытался расстегнуть повреждённые крепления на груди. Пальцы слушались плохо. Селена наблюдала за ним, потом раздражённо выдохнула и шагнула ближе.

— Дай.

Она наклонилась и сама нашла застёжки. Материал был чужим, плотным, тёплым, местами обожжённым. Когда костюм раскрылся, Селена осторожно стянула его с плеч Вандо. И замерла.

Она знала, что он силён. Это было видно даже в кабине разбитого корабля. Но теперь, в мягком свете лечебной купели, его тело казалось почти вырезанным из бронзы и сумерек. На коже, вдоль ключиц и рёбер, мерцали тонкие серебристые линии — не шрамы, не татуировки, а что-то живое, глубоко под кожей.

Красиво.

Опасно красиво.

Селена заставила себя посмотреть на рану. На боку у него был глубокий порез от осколка. Кровь уже не текла так сильно, но края раны потемнели.

— В твоей крови есть металл? — спросила она.

— В некотором смысле.

— Ты не совсем человек.

— А ты?

Она подняла на него глаза.

Вандо смотрел спокойно, без насмешки. Слово правда о ней интересовало его не как исследователя, а как мужчину.

Селена отвернулась первой.

— Я жрица Эймары.

— Это не ответ.

— Для меня — единственный.

Она зачерпнула воду из купели. Светящиеся нити потянулись к её ладони, обвили запястье и вспыхнули мягким золотом. Селена приложила воду к ране Вандо.

Он резко вдохнул, но не отстранился.

— Больно?

— Терпимо.

— Лжёшь.

— Привычка.

Селена снова смочила рану. Нити проникали в кожу, очищали повреждение, затягивали разорванные ткани. Вандо сжал край каменного выступа так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Она вдруг коснулась его руки.

— Дыши медленнее.

Он посмотрел на её пальцы на своей ладони. Потом на неё.

— Если я буду дышать медленнее, твой храм перестанет смотреть на меня так, будто хочет проглотить?

Селена прислушалась.

Храм действительно смотрел.

Лианы у входа висели неподвижно. Споры под потолком собрались в плотное облако. Вода в купели едва заметно колыхалась, хотя никто её не трогал.

— Он не привык к чужим.

— А ты?

Этот вопрос прозвучал тише.

Селена убрала руку.

— Я тоже.

Между ними повисло молчание. Оно оказалось слишком плотным для такой большой залы. Селена слышала, как капает вода, как гудят стены, как дышит Вандо. Слышала даже собственное сердце — слишком быстрое, предательское.

Вандо первым отвёл взгляд.

— Мой корабль нужно проверить. Если повреждённый двигатель вступит в реакцию с местной средой

— Сейчас ты никуда не пойдёшь.

— Ты не понимаешь. На борту может быть аварийный маяк. Если он активируется, сюда придут другие.

Селена застыла.

— Другие исследователи?

— Не только.

В его голосе впервые появилась тень, которая не была болью.

— Кто? — спросила она.

Вандо молчал.

Селена почувствовала, как Эймара напряглась вместе с ней. Воздух в зале стал гуще. Лепестки лунных цветов закрылись наполовину.

— Вандо.

Он медленно выдохнул.

— Я не прилетел сюда по приказу Совета. Официально моя экспедиция была отменена.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что в закрытых архивах нашли записи об Эймаре. Не научные. Военные.

Селена похолодела.

— Военные?

— Там говорилось о планете, способной реагировать на эмоции жрицы. О живом мире, который можно разбудить, направить использовать.

Вода в купели потемнела.

Селена отступила на шаг.

— Нет.

— Я хотел выяснить, правда ли это, раньше тех, кто захочет превратить твою планету в оружие.

— И я должна тебе поверить?

— Нет, — сказал он. — Но тебе стоит поверить тому, что если мой маяк уже подал сигнал, у нас мало времени.

У нас.

Это слово кольнуло страннее, чем угроза. Ещё несколько часов назад Селена была одна. Всегда одна — если не считать планету, которая окружала её любовью, заботой и невидимыми стенами. А теперь чужак, упавший с неба, сказал «у нас», будто уже стоял рядом с ней против опасности.

Эймара не одобрила этого.

Пол под ногами дрогнул. Из чаш с водой поднялся пар. Где-то в саду завыл ветер.

Вандо попытался встать, но рана ещё не затянулась. Он покачнулся. Селена шагнула к нему машинально, поддержала за плечо.

— Тебе нельзя двигаться.

— Если я не отключу маяк

— Я пойду.

Он резко посмотрел на неё.

— Одна?

— Я не одна.

Селена коснулась стены. Зелёные жилы вспыхнули ярче, отвечая ей.

— Эймара проведёт меня.

Вандо задержал взгляд на её лице. В нём снова было то же странное выражение — смесь тревоги, восхищения и чего-то более глубокого, от чего Селене хотелось отвернуться, но она не могла.

— Ты всегда так бесстрашна? — спросил он.

Она усмехнулась без радости.

— Я просто не имею права бояться.

— Это не одно и то же.

Селена ничего не ответила.

Потому что он снова попал в цель.

Она поднялась, но Вандо неожиданно поймал её за запястье. Не сильно. Достаточно, чтобы остановить.

Знак жрицы под его пальцами вспыхнул.

Селена замерла.

Вода в купели поднялась тонкими дрожащими кругами. Лианы у входа медленно потянулись к ним. В воздухе появился сладкий запах алых цветов.

— Отпусти, — прошептала она.

Вандо сразу разжал пальцы.

— Прости.

Но было поздно.

Храм уже почувствовал.

Эймара уже почувствовала.

Селена прижала руку к груди, пытаясь унять сердце. Ей нельзя было позволять себе это. Нельзя было задерживать взгляд на его губах, на плечах, на серебристом свете под кожей. Нельзя было думать, что в его прикосновении не было ни жадности, ни власти — только просьба.

Остаться.

Не уходить одной.

— Селена, — тихо сказал Вандо. — Я не хотел

— Здесь неважно, что ты хотел. Здесь важно, что я почувствовала.

Он понял не всё, но достаточно.

Снаружи ударил гром.

Селена развернулась и пошла к выходу. Лианы нехотя расступились перед ней. У двери она остановилась, не оборачиваясь.

— Оставайся в купели. Не выходи из зала. Не трогай стены. Не говори с храмом.

— А если он сам начнёт?

Она всё-таки оглянулась.

Вандо сидел у воды, бледный, раненый, чужой. И всё же в его взгляде было что-то до опасного близкое.

— Тогда постарайся быть вежливым, — сказала она.

На его губах мелькнула слабая улыбка.

Селена вышла в коридор, и храм сомкнулся за ней зелёным полумраком.

Она шла быстро, почти бежала. Ей нужно было добраться до корабля, отключить маяк, убедиться, что никто не придёт за Вандо. За Эймарой. За ней.

Но чем дальше она уходила от лечебной купели, тем отчётливее чувствовала: связь с планетой изменилась.

Раньше Эймара звучала в ней как голос матери, как дыхание дома, как вечная защита.

Теперь в этом голосе появилась боль.

И вопрос.

Ты выберешь его?

Селена остановилась посреди коридора. Споры над головой мерцали тревожным синим.
Где-то далеко, в пустыне, среди ядовитого дождя, продолжали распускаться алые цветы.
Она закрыла глаза.
— Я ещё никого не выбирала, — прошептала она.
Но Эймара не поверила.
И, если быть честной, Селена тоже.

Глава 3

Маяк в стеклянной пустыне

Дождь почти закончился.

Он больше не падал плотной кислотной стеной, как раньше, — лишь редкие тяжёлые капли срывались с низких облаков и шипели на камнях, оставляя после себя тонкий белый пар. Эймара умела злиться красиво. Даже её гнев пах цветами, горячим металлом и влажной землёй.

Селена вышла из храма и остановилась на верхней ступени.

Внизу расстилалась долина, за ней — стеклянная пустыня, где разбился корабль Вандо. В темноте она казалась застывшим морем: тысячи прозрачных осколков отражали свет двух лун, и каждая грань мерцала, будто внутри неё спала звезда.

Где-то там мог работать маяк.

Где-то там чужой сигнал мог уже пробивать атмосферу Эймары, зовя тех, кто не станет просить разрешения войти.

Селена сжала пальцы.

— Проведи меня, — тихо сказала она.

Земля под её босыми ступнями откликнулась тёплой дрожью. Между плитами храма проросла тонкая светящаяся трава, вытянулась вперёд и легла дорожкой вниз по склону.

Эймара соглашалась.

Но не прощала.

Селена почувствовала это в каждом порыве ветра, в каждом шорохе лиан за спиной. Планета шла с ней рядом — не как покорная сила, а как обиженное существо, которое всё ещё ждало объяснений.

Ты оставила его в сердце храма.

— Он ранен.

Ты коснулась его.

— Я лечила его.

Ты хотела остаться.

Селена остановилась так резко, что трава под ногами вспыхнула ярче.

— Не говори так.

Ветер поднялся, тронул её волосы, скользнул по щеке почти нежно. Но в этой нежности была ревность.

Эймара не говорила словами. Она посылала образы: ладонь Вандо на запястье Селены, вспыхнувший знак жрицы, учащённое дыхание, тепло чужого тела рядом с её телом.

Планета не понимала полуправды.

От неё нельзя было спрятать ни страха, ни желания.

Селена пошла быстрее.

Стеклянная пустыня встретила её резким холодом. Здесь жизнь Эймары отступала. Не исчезала полностью — нет, планета присутствовала везде, даже под мёртвым песком и расплавленными камнями. Но после падения корабля земля здесь стала чужой, порезанной, отравленной. Металл впился в неё, как заноза.

Корабль Вандо лежал в неглубокой воронке. Его корпус был разорван почти пополам. Чёрные пластины обшивки местами светились изнутри красным, будто судно всё ещё горело, хотя огня уже не было. Вокруг торчали искривлённые ребра металла, похожие на кости погибшего зверя.

Селена подошла ближе.

Корабль не нравился Эймаре.

Земля под ним пульсировала тревожно и глухо. Светящаяся трава, приведшая Селену сюда, остановилась у края воронки и не стала расти дальше.

— Боишься? — прошептала она.

В ответ пустыня зазвенела.

Нет.

Не боюсь.

Ненавижу.

Селена спустилась в воронку одна.

Едва она коснулась корпуса, по металлу пробежала синяя искра. Внутри что-то щёлкнуло. Она отдернула руку, но тут же заставила себя снова прикоснуться к обшивке.

— Покажи, где сердце.

Эймара молчала.

— Не его сердце, — устало сказала Селена. — Корабля.

Тогда под ладонью дрогнул металл. Нет, не металл — корни. Тонкие, почти невидимые, они уже успели проникнуть в трещины корпуса. Эймара изучала чужую машину по-своему: не приборами, а жадным живым касанием.

Корни потянулись к разлому в боку корабля.

Селена вошла внутрь.

В кабине пахло гарью, озоном и кровью. Мерцали разбитые панели. В полумраке вспыхивали незнакомые символы. Некоторые из них пульсировали красным, другие медленно гасли, словно у корабля закрывались глаза.

Селена не понимала языка машин.

Но она понимала боль.

Судно было не живым, как Эймара, но в нём тоже оставался след хозяина. Вандо сидел здесь, когда падал. Его ладони касались этих рычагов. Его кровь впиталась в трещину у кресла. Его страх — короткий, сдержанный, почти задавленный — всё ещё висел в воздухе.

Он боялся не смерти.

Он боялся не успеть.

Селена медленно подошла к панели, которая светилась чаще остальных. Внутри неё бился ровный импульс: свет — тишина — свет — тишина. Слишком похоже на сердце.

Маяк.

Она не знала, как отключить его.

Зато знала, как заставить замолчать то, что вредит Эймаре.

Селена положила обе ладони на панель и закрыла глаза.

— Помоги мне.

На этот раз планета ответила сразу.

Корни скользнули по полу корабля, поднялись к панели, проникли в щели между пластинами. Чужой металл застонал. Искры посыпались на пол. Красный свет замигал быстрее, будто машина испугалась.

Селена почувствовала сопротивление — холодное, точное, бездушное. Маяк продолжал посылать сигнал вверх, за облака, за атмосферу, в глубину пустоты.

Сигнал был тонким, но упрямым.

Как крик.

— Замолчи, — прошептала Селена.

Корни сжались.

Панель взорвалась белым светом.

Селену отбросило назад. Она ударилась плечом о стену кабины и упала на колени. На мгновение мир исчез — остался только звон в ушах и вкус крови на губах.

Потом она услышала голос.

Не Эймары.

— Идентификация сигнала завершена.

Слова прозвучали из разбитой панели на чужом языке, но браслет-переводчик, всё ещё закреплённый на руке Вандо и связанный с кораблём, передал смысл прямо в воздух. Голос был женским, ровным, пустым.

— Аварийный маяк повреждён. Передача прервана.

Селена выдохнула.

— Хорошо.

Пауза.

Затем голос добавил:

— Первичный пакет данных отправлен.

Кровь в её жилах стала холодной.

— Нет.

— Ожидаемое время прибытия ближайшего принимающего судна: неизвестно.

Селена поднялась, держась за стену. Красный свет погас. Но теперь в кабине мигал другой — белый, едва заметный, как далёкая звезда.

Сигнал ушёл.

Не весь, возможно. Не полный. Но достаточно, чтобы кто-то услышал.

Селена бросилась к выходу, но в проёме вдруг застыла.

Снаружи стеклянная пустыня светилась.

Сначала она решила, что это отражение лун. Потом поняла: свет шёл из-под земли. По трещинам, по осколкам, по песку расползались алые линии. Цветы — те самые, что раскрывались только во время сильных чувств жрицы, — пробивались сквозь мёртвое стекло.

Один за другим.

Сотни.

Ты подвергла нас опасности, сказала Эймара без слов.

— Я пыталась остановить маяк.

Ты принесла его сюда.

— Он упал сам.

Ты хочешь ему верить.

Селена молчала.

Пустыня дрогнула. Вдалеке поднялись тёмные силуэты — не звери, не деревья. Корни, толстые, как башни, медленно выходили из-под земли и тянулись к кораблю.

Эймара собиралась раздавить его.

— Нет! — Селена выбежала из кабины и встала перед разломанным корпусом. — Там могут быть данные. То, что поможет нам понять, кто идёт.

Корни остановились.

Планета колебалась.

Селена чувствовала её ярость. Эймара хотела уничтожить всё чужое: корабль, металл, следы Вандо, саму возможность вторжения. Так она защищала себя. Так она защищала Селену.

Но защита, ставшая клеткой, всё равно оставалась клеткой.

— Если они придут, — сказала Селена, — нам понадобится он.

Ветер стих.

Нам?

Селена закрыла глаза.

Она не хотела произносить это. Не хотела признавать перед Эймарой, а значит — перед собой.

Но ложь больше не помогала.

— Да, — сказала она. — Нам.

Пустыня ответила тишиной.

А потом где-то далеко, у храма, ударил гром.

Вандо не должен был вставать.

Он знал это. Его тело знало это ещё лучше: каждый вдох отдавался болью в боку, лечебная вода Эймары жгла рану изнутри, а мышцы дрожали от слабости. Но когда храм содрогнулся, когда зелёные прожилки в стенах вспыхнули красным, он понял: Селена в опасности.

И остаться было невозможно.

Он выбрался из купели, опираясь на стену. Лианы у входа тут же напряглись.

— Я знаю, — хрипло сказал он. — Мне велели не выходить.

Лианы медленно поползли к нему.

Вандо поднял ладонь.

— Но если с ней что-то случится, вы ведь тоже будете жалеть.

Храм замер.

Он чувствовал себя безумцем. Мужчина, говорящий с растениями на планете, которая могла убить его за лишний шаг. Но Селена говорила с ней. Значит, Эймара слушала. Значит, можно было попытаться.

— Я не враг ей, — сказал Вандо тише. — И не враг тебе.

Стены ответили низким гулом.

Вандо стиснул зубы и сделал шаг.

Лианы хлестнули по полу перед ним, предупреждая.

— Хорошо, — выдохнул он. — Не веришь. Разумно.

Он опустился на одно колено, потому что стоять больше не мог, и приложил ладонь к влажному камню.

— Тогда проверь.

Это было рискованно. Возможно, глупо. Но Вандо устал бороться с тем, что не понимал. Он закрыл глаза и позволил себе вспомнить всё: падение, горящий корабль, лицо Селены над ним, её голос, её руки, свет её знака.

И ещё — секретные архивы.

Планету, отмеченную как биологический ресурс.

Жрицу, названную «ключом к управлению».

Приказ, которого официально не существовало.

Если бы Совет добрался сюда первым, они не стали бы разговаривать с Эймарой. Они вскрыли бы её, измерили, подчинили, а если не смогли бы — сожгли.

Вандо показал храму это.

Не словами. Памятью.

Камень под его ладонью стал горячим.

На миг Вандо почувствовал чужое присутствие — огромное, древнее, внимательное. Оно вошло в его сознание, как корни входят в землю. Осторожно и беспощадно. Эймара увидела его страх. Его вину. Его одиночество. Увидела то, что он скрывал даже от себя: он прилетел не только предупредить.

Он хотел найти место, которому ещё можно помочь.

Мир, который не успели купить, разделить и назвать собственностью.

И женщину, которую он не ожидал встретить.

Храм отступил из его мыслей.

Вандо открыл глаза.

Лианы больше не преграждали путь. Они расступились, оставляя узкий коридор.

— Спасибо, — сказал он, едва дыша.

На стене рядом с ним вспыхнули зелёные жилы, указывая направление.

Но в этом жесте не было доверия.
Скорее предупреждение.
Иди. Но помни: я смотрю.
Вандо криво улыбнулся.
— Я уже понял.

Селена возвращалась из пустыни, когда небо расколосось.
Не громом.
Светом.

Высоко над облаками вспыхнула тонкая белая линия. Она появилась всего на секунду — как царапина на тёмном стекле космоса — и исчезла. Но Селена почувствовала, как вся Эймара застыла.

Планета узнала чужой след.

Кто-то был далеко.

Но уже смотрел в их сторону.

Селена ускорила шаг. Светящаяся тропа под ногами теперь горела тревожным алым. Цветы вокруг закрывались при её приближении, будто прятались. Даже туман стелился ниже обычного.

У подножия храма она увидела Вандо.

Он стоял, держась за колонну, бледный до серости. На его плечи был наброшен разорванный верх костюма, рана на боку снова темнела.

Селена бросилась к нему.

— Ты сошёл с ума?

— Возможно, — сказал он. — Но это не главная проблема.

— Я велела тебе оставаться в купели.

— А я велел своему кораблю не падать. Как видишь, у нас обоих сложности с приказами.

Она хотела рассердиться. Правда хотела. Но он выглядел так, будто следующий порыв ветра мог сбить его с ног.

Селена подхватила его за руку.

— Ты снова открыл рану.

— Маяк?

Её лицо изменилось.

Вандо понял ответ раньше, чем она сказала.

— Часть сигнала ушла, — прошептала Селена. — Я остановила его, но слишком поздно.

Он закрыл глаза.

— Значит, у нас есть время. Но мало.

— Кто придёт?

Вандо молчал слишком долго.

Селена отстранилась на полшага.

— Вандо.

Он посмотрел на небо, туда, где исчезла белая линия.

— Не Совет. Хуже.

— Что может быть хуже тех, кто хочет превратить живую планету в оружие?

— Те, кто уже умеет превращать живое в оружие.

Селена почувствовала, как Эймара под её ногами задрожала.

Вандо продолжил:

— Их называют Орденом Пустых Солнц. Официально их нет. Они появляются там, где находят редкие формы жизни, энергию, разумные биосферы. Они не завоёвывают миры. Они их переписывают.

— Переписывают?
— Меняют так, чтобы они служили. Убирают всё лишнее. Волю. Память. Боль.
Селена похолодела.
Для Эймары это было хуже смерти.
Планета, лишённая боли, перестала бы быть живой.
Ветер поднялся резко, яростно. Лианы на храме зашевелились. В небе над долиной начали собираться облака, чёрные снизу и алые по краям.
Селена положила ладонь на колонну.
— Тише.
Но Эймара не слушала.
Она уже представляла врага.
И хотела ударить первой.
— Если она поднимет бурю сейчас, — сказал Вандо, — её заметят быстрее. Энергетический всплеск выдаст координаты точнее любого маяка.
Селена повернулась к нему.
— Тогда скажи, что делать.
Он встретил её взгляд.
— Мне нужен доступ к кораблю. К памяти навигации. Я смогу понять, сколько данных ушло и кто мог их принять.
— Ты едва стоишь.
— Значит, пойду медленно.
— Нет.
— Селена
— Нет, — повторила она жёстче. — Ты вернёшься в купель. Я принесу всё, что нужно.
— Ты не поймёшь интерфейс.
— Тогда научишь.
Он хотел возразить, но вдруг поморщился и согнулся. Селена удержала его, и в этот раз Эймара не ударила корнями. Только воздух вокруг стал плотнее.
Вандо поднял глаза.
— Она разрешает тебе касаться меня?
— Не обольщайся. Она просто решила, что ты пока полезен.
— А ты?
Селена замерла.
Вопрос был тихим. Почти неуместным — среди угрозы, боли, неба, которое могло скоро принести врагов. И всё же именно этот вопрос пробил её сильнее остальных.
Она могла бы сказать: «Ты тоже полезен».
Могла бы сказать: «Ты чужак».
Могла бы сказать: «Не спрашивай».
Но Эймара слушала.
И Вандо смотрел так, будто от её ответа зависело больше, чем его гордость.
Селена медленно выдохнула.
— Я ещё не знаю, кто ты для меня.
На его лице появилась усталая, почти нежная улыбка.
— Это честнее, чем я заслуживаю.
Селена помогла ему подняться по ступеням. Храм раскрыл перед ними вход, но внутри его свет изменился. Зелёные прожилки в стенах теперь мерцали с примесью красного, как кровь в траве.
Эймара была напугана.
Впервые за всю жизнь Селена почувствовала это так ясно.

Не ревность.

Не гнев.

Страх.

Планета боялась не потерять жрицу.

Планета боялась стать чужой себе.

Когда они дошли до лечебной купели, Вандо сел на каменный край и тяжело опустил голову. Селена снова помогла ему погрузиться в воду. Светящиеся нити потянулись к ране, но теперь делали это осторожнее, словно тоже помнили его недавнюю попытку открыть свои мысли храму.

— Она видела тебя, — сказала Селена.

Вандо не стал спрашивать, откуда она знает.

— Да.

— И не убила.

— Я стараюсь считать это началом хороших отношений.

Селена слабо улыбнулась, но улыбка быстро исчезла.

— Ты показал ей правду?

— Часть.

— Почему не всю?

Он посмотрел на неё.

Вода отражала свет лунных цветов, и серебристые линии под его кожей казались продолжением этих отражений.

— Потому что есть правда, которую я должен сначала сказать тебе.

Селена почувствовала, как воздух в зале стал неподвижным.

— Говори.

Вандо медленно вдохнул.

— Я нашёл записи об Эймаре не случайно. Я искал их. Много лет.

— Зачем?

Его взгляд дрогнул.

— Потому что моя мать родилась здесь.

Тишина обрушилась на зал.

Селена отступила на шаг.

— Это невозможно.

— Я думал так же.

— На Эймаре не было чужих поселений. Жрицы помнят родословные. Храм помнит кровь.

— Тогда спроси его.

Селена не хотела.

Но храм уже услышал.

Стены вспыхнули.

Сначала зелёным. Потом золотым. Потом глубоким, почти забытым синим — цветом древних ритуалов, которые Селена видела только в снах прежних жриц.

Вода в купели поднялась вокруг Вандо светящимися кольцами.

Эймара узнала кровь.

Селена смотрела на него, не в силах произнести ни слова.

Чужак, упавший с неба, оказался не совсем чужим.

Вандо сжал край камня.

— Я прилетел не только предупредить вас, — сказал он тихо. — Я прилетел узнать, почему Эймара отпустила её. И почему потом всю жизнь звала меня во снах.

Селена услышала, как где-то в глубине храма раскрываются цветы.

Медленно.
Один за другим.
И впервые их аромат не был ревностью.
Он был памятью.

Глава 4

Кровь под звёздами

Селена долго не могла пошевелиться.

Синий свет древнего ритуала медленно тек по стенам лечебной залы, отражался в воде, ложился на лицо Вандо неровными бликами. Храм не просто признал его кровь — он откликнулся так, как не откликался даже на неё в дни великих праздников.

Память.

Эймара вспоминала.

И это пугало Селену сильнее, чем приближение врагов.

— Твоя мать — начала она и замолчала.

Вандо смотрел на неё снизу вверх. Вода доходила ему до груди, светящиеся нити обвивали рану на боку, но сейчас он будто не чувствовал боли. В его лице было что-то обнажённое, уязвимое.

— Я почти не знал её, — сказал он. — Она умерла, когда мне было семь. Но перед смертью всё время говорила о зелёном небе, живых храмах и песнях под землёй.

Селена сжала пальцы.

— На Эймаре небо не зелёное.

— Я знаю.

— Значит, она была здесь не при рождении.

— Или помнила Эймару иначе.

Храм ответил низким гулом.

Селена медленно повернулась к стене. Под её ладонью зелёные прожилки дрожали. Где-то глубоко, за камнем, за корнями, за слоями времени, просыпалась старая боль.

— Покажи, — прошептала она.

Свет вспыхнул.

Мир исчез.

Перед Селеной возникла женщина.

Она стояла в этом же храме — моложе Вандо, с тёмными волосами, заплетёнными у висков, и глазами цвета холодного серебра. На её руках светились тонкие линии, похожие на те, что сейчас мерцали под кожей Вандо.

Рядом с ней была жрица.

Не Селена.

Другая.

Старшая. Гордая. С лицом, которое Селена видела в ритуальных снах, но никогда не могла рассмотреть до конца.

Женщина плакала.

Жрица держала её за плечи.

— Ты должна уйти, — сказала жрица из прошлого. — Если останешься, они найдут путь к Сердцу.

— А мой ребёнок?

— Он будет слышать Эймару даже среди звёзд.

— Это проклятие.

— Нет, Лиара. Это возвращение.

Видение оборвалось.

Селена отшатнулась, тяжело дыша.

Вандо поднялся из воды, забыв о ране. Светящиеся нити попытались удержать его, но он вырвался и шагнул к ней.

— Что ты увидела?

Она смотрела на него так, будто видела впервые.

— Её звали Лиара.

Вандо замер.

Вся зала стала беззвучной.

— Да, — сказал он хрипло. — Мою мать звали Лиара.

Селена вдруг почувствовала, как у неё подкашиваются ноги. Всё, во что она верила, треснуло. Эймара хранила тайну. Храм хранил тайну. Предыдущие жрицы хранили тайну.

А она, последняя, ничего не знала.

— Почему мне не показали раньше? — спросила она у стен.

Ответ пришёл не словами.

Страх.

Стыд.

Потеря.

Вандо подошёл ближе. Вода стекала по его плечам, по груди, по серебристым линиям под кожей. Он был ранен, измучен, но в этот миг казался частью храма — чужой и родной одновременно.

Селена отступила на шаг.

Не от страха перед ним.

От того, что ей слишком сильно захотелось прикоснуться.

Эймара это почувствовала.

Лунные цветы раскрылись над ними с тихим влажным шелестом. Воздух наполнился сладким ароматом, густым, тёплым, почти опьяняющим. Свет стал мягче. Тени на стенах поплыли.

Вандо остановился.

— Если я сейчас подойду ещё ближе, храм снова решит меня убить?

Селена хотела ответить резко. Хотела вернуть себе власть над голосом, над дыханием, над предательским сердцем.

Но получилось только шёпотом:

— Не знаю.

Он сделал шаг.

Храм не ударил.

Ещё шаг.

Лианы у входа дрогнули, но не двинулись.

Селена подняла глаза.

— Вандо

— Скажи остановиться, и я остановлюсь.

Вот это было опаснее его прикосновений.

Не желание.

Выбор.

Селена всю жизнь принадлежала Эймаре: её голосу, её боли, её любви, её страхам. Никто никогда не спрашивал, хочет ли она. Никто не ждал разрешения у её сердца.

А он ждал.

Она могла сказать «нет».

Могла.

Вместо этого Селена протянула руку и коснулась его груди.

Под пальцами его кожа была горячее. Серебристые линии вспыхнули, будто узнали её. Вандо резко вдохнул, но не отступил. Его ладонь легла поверх её руки — осторожно, почти благоговейно.

Храм задрожал.
Не гневно.
Глубоко.
Как земля перед дождём.
— Ты слышишь? — прошептал Вандо.
— Что?
— Она не злится.
Селена закрыла глаза.
Эймара действительно не злилась.
Она смотрела.
Напряжённо. Ревниво. Боязливо.
Но не останавливала.

Вандо наклонился к ней медленно, давая время отстраниться. Селена не отстранилась. Его губы коснулись её губ сначала почти невесомо — вопросом, от которого по телу прошла дрожь. Потом глубже.

Селена не знала, что поцелуй может быть таким.
Не ритуалом. Не символом. Не частью чужой воли.
Живым.

Его пальцы скользнули к её щеке, вторая рука осторожно легла на талию. Её тело отреагировало прежде, чем разум успел испугаться: она прижалась ближе, чувствуя тепло его кожи, влажность его дыхания, силу, которую он сдерживал ради неё.

Внутри неё что-то распускалось.
И Эймара отзывалась.

По стенам побежал золотой свет. Вода в купели поднялась прозрачной дымкой. Лунные цветы осыпали их сияющей пылью. Где-то далеко, в ночной пустыне, алые бутоны раскрывались один за другим — уже не от боли, а от желания, впервые не похожего на цепь.

Вандо оторвался от её губ только для того, чтобы прошептать:

— Селена
Она услышала в его голосе просьбу.
И ответила новым поцелуем.
Смелее.
Горячее.

Его руки крепче обняли её, но всё ещё осторожно, словно он держал не женщину, а огонь. Селена провела ладонями по его плечам, чувствуя, как под кожей вспыхивают серебряные линии. Его дыхание стало неровным. Её — тоже.

На миг весь мир сузился до тепла между ними.
До стука двух сердец.

До того, как его губы скользнули к её виску, к щеке, к шее — не требуя, а спрашивая каждым касанием. Селена запрокинула голову, и храм наполнился низким певучим гулом.

Эймара чувствовала всё.
Каждую дрожь.
Каждое желание.
Каждое «да», которое Селена ещё не произнесла вслух.
И вдруг небо взорвалось.
Удар был такой силы, что храм качнулся.

Селена и Вандо отпрянули друг от друга. Цветы над ними захлопнулись. Вода в купели рухнула обратно, выплеснувшись через край.

Второй удар пришёл снаружи.
Красный свет прорезал стены.

Вандо резко повернулся к выходу.

— Они не могли прийти так быстро.

Селена всё ещё пыталась отдышаться. Губы горели от его поцелуев, кожа помнила его руки, но связь с Эймарой уже была тревогой.

В небе.

Чужое.

Острое.

Мёртвое.

— Это не корабль, — сказала она.

Вандо побледнел.

— Зонд.

Они выбежали из лечебной залы.

На этот раз храм не пытался остановить Вандо. Напротив — стены загорались перед ними, открывая короткие проходы, которых Селена раньше не видела. Каменные плиты раздвигались, лианы втягивались в ниши, корни подталкивали их вперёд, будто сама Эймара торопила их к выходу.

Когда они достигли террасы, Селена увидела небо.

И впервые за многие годы испугалась по-настоящему.

Над долиной висели три чёрных объекта.

Они не были похожи на корабли Вандо. Те хотя бы имели форму, назначение, след мысли создателя. Эти же казались кусками ночи, вырезанными из пространства: гладкие, без окон, без крыльев, без света — только тонкие красные разрезы по бокам.

Один зонд опустился ниже.

Из него вырвался луч.

Он ударил в лес у подножия храма.

Деревья не загорелись.

Они окаменели.

Листья почернели, стволы побелели, трава превратилась в серую пыль. На месте живого участка Эймары остался мёртвый круг.

Селена вскрикнула и схватилась за грудь.

Боль прошла через неё, как раскалённый нож.

Вандо подхватил её.

— Что с тобой?

— Они режут её.

Лицо Вандо стало жёстким.

— Это разведчики Ордена. Они проверяют реакцию биосферы.

Второй луч ударил в склон.

Камень треснул. Из земли вырвались корни, но, едва коснувшись красного света, начали чернеть и рассыпаться.

Эймара взревела.

Не звуком — всем миром.

Горы ответили гулом. Облака закрутились в гигантскую спираль. Из расселин поднялся зелёный туман, полный светящихся спор. Лианы на храме сорвались со стен и хлестнули в небо, пытаясь достать зонд.

Один почти задел его.

Зонд повернулся.

Красный луч нацелился на храм.

— Внутри! — крикнул Вандо.

Селена не двинулась.

Она стояла на краю террасы, и знак жрицы на её руке горел белым.

— Селена!

— Если они ударят по храму, Сердце откроется.

— Тогда уходим!

— Нет.

Она подняла обе руки.

Ветер ударил снизу вверх. Её волосы взметнулись, платье облепило тело, кожа засветилась зелёными прожилками, как стены храма. Вандо на мгновение увидел не просто женщину — проводник целой планеты, живой узел между плотью и стихией.

И понял, почему Орден хочет её.

Через Селену Эймара могла стать богом.

Или оружием.

Красный луч сорвался с зонда.

Селена закричала.

Перед храмом выросла стена из корней. Толстые, тёмные, влажные, они сплелись в щит за долю секунды. Луч ударил в них, прожигая насквозь. Запахло горелой зеленью и кровью.

Селена пошатнулась.

Вандо бросился к ней, но земля под его ногами разломилась.

Из трещины поднялась чёрная металлическая капсула.

Она упала раньше — незаметно, вместе с первым ударом. Теперь её оболочка раскрылась, как яйцо. Изнутри выскользнуло существо.

Нет.

Не существо.

Машина.

Тонкая, многоногая, с гладким черепом без лица. На её спине пульсировал красный знак Ордена Пустых Солнц.

Она двинулась к Селене.

Вандо перехватил обломок каменной колонны и ударил.

Машина увернулась слишком быстро. Одна из её лап полоснула его по плечу. Кровь брызнула на ступени.

— Вандо! — Селена повернулась к нему.

Этой секунды хватило.

Зонд в небе выстрелил снова.

Луч попал в террасу рядом с ней. Камень взорвался. Селену отбросило к колоннам. Она ударилась спиной и упала.

Связь с Эймарой дрогнула.

Мир на миг стал глухим.

Вандо увидел, как машина бросилась к ней.

И в нём что-то сорвалось.

Серебряные линии под его кожей вспыхнули ослепительно. Боль в боку исчезла, уступив место холодной ярости. Он шагнул навстречу машине, уже не думая о ране, и протянул руку.

— Ко мне.

Селена, лежа у колонны, с трудом подняла голову.

— Что ты делаешь?..

Вандо не знал.

Но кровь знала.

Эймара знала.

Из трещин террасы вырвались тонкие синие корни — не зелёные, как обычно, а глубокие, древние, светящиеся изнутри. Они не послушались Селену.

Они послушались его.

Корни вонзились в машину, обвили её лапы, шею, корпус. Та заскрежетала, выпустила красные искры, попыталась освободиться.

Вандо сжал кулак.

Корни сомкнулись.

Машина разлетелась на части.

Селена смотрела на него широко раскрытыми глазами.

Храм тоже смотрел.

Эймара тоже.

Вандо опустил руку и покачнулся.

— Кажется, — выдохнул он, — твоя планета всё-таки решила признать родственника.

Но времени удивляться не было.

Три зонда в небе развернулись одновременно.

Теперь они смотрели на Вандо.

— Они заметили реакцию, — сказал он. — Теперь им нужен не только храм.

Селена поднялась, держась за колонну.

— Им нужен ты.

— Нам обоим.

Небо над долиной вспыхнуло красным.

Три луча ударили одновременно.

Селена и Вандо бросились друг к другу.

Она схватила его руку.

Он — её.

В этот миг их знаки вспыхнули: её зелёный, его серебряно-синий. Свет смешался, ударил в землю, прошёл по ступеням, по стенам, по корням, по живым венам храма.

Эймара открылась.

Не полностью.

Но достаточно.

Из глубины храма поднялся звук — низкий, мощный, древний, как первое дыхание мира. Земля перед террасой раскололась, и из неё вырвалась гигантская лоза, покрытая кристаллами. Она взметнулась к небу и ударила по первому зонду.

Тот раскололся без взрыва — просто рассыпался чёрной пылью.

Второй попытался подняться выше.

Селена шагнула вперёд, не выпуская руки Вандо.

— Нет.

Ветер стал лезвием.

Он рассёк облака, ударил в зонд сбоку, швырнул его к скалам. Там из горного хребта выросли каменные шипы, пронзили корпус, и красный свет погас.

Третий зонд завис.

На мгновение казалось, он отступит.

Потом из его нижней части выдвинулся тонкий стержень.

Вандо узнал его.

И ужаснулся.

— Селена, вниз!

Но было поздно.

Стержень выпустил не луч.

Сигнал.

Беззвучная волна прошла по долине. Цветы закрылись. Лианы обвисли. Свет в стенах храма мигнул и стал тусклее.

Селена вскрикнула и рухнула на колени.

Вандо упал рядом, всё ещё сжимая её руку.

— Что это? — прошептала она.

Он смотрел на небо, где третий зонд уже поднимался выше, уходя за облака.

— Метка.

— Какая метка?

— Теперь они знают, что Эймара разумна. Знают, что ты управляешь реакцией. И знают, что я связан с планетой кровью.

Селена подняла на него лицо. На губах у неё была кровь. В глазах — страх, который она больше не пыталась скрывать.

— Он улетает.

— Да.

— Значит, мы победили?

Вандо посмотрел на мёртвый круг леса внизу. На расколотую террасу. На чёрную пыль первого зонда, оседающую на цветы.

— Нет, — сказал он. — Мы только ответили на стук в дверь.

Селена медленно встала.

Эймара вокруг них дрожала — раненная, разъярённая, но живая. Храм за их спинами снова загорался синим светом. Древние корни, послушавшиеся Вандо, не исчезли. Они ползли по ступеням, окружали его и Селену, будто признавали связь, которую невозможно было разорвать.

Селена повернулась к Вандо.

Между ними всё ещё горело то, что началось в лечебной зале. Но теперь к желанию примешалась опасность. К нежности — война.

Она коснулась его лица.

— Ты можешь управлять Эймарой?

Вандо накрыл её ладонь своей.

— Нет.

— Но корни послушались тебя.

— Не потому что я приказал. Потому что они узнали кровь.

Селена сглотнула.

— Тогда Орден захочет забрать тебя.

— И тебя.

Он приблизился. На этот раз без осторожности, почти отчаянно, потому что смерть только что прошла рядом и оставила после себя слишком ясное понимание: времени мало.

Селена сама потянулась к нему.

Их поцелуй был коротким, горячим, с привкусом крови и грозы.

Когда они отстранились, Эймара больше не ревновала.

Она слушала.

И ждала.

Селена посмотрела в небо, туда, где исчез третий зонд.

— Что будет дальше?

Вандо обнял её за плечи и тихо ответил:

— Дальше они придут не смотреть.

Он поднял глаза к звёздам.

— Дальше они придут за Сердцем.

Глава 5

Песнь Сердца

Утро на Эймаре не наступило.

После атаки зондов небо так и осталось тёмным — тяжёлым, низким, израненным красными всполохами. Две луны побледнели, будто их накрыли тонкой плёнкой пепла. Над долиной висел запах сгоревшей зелени и раскалённого камня.

Селена стояла на разбитой террасе храма.

Там, где раньше цвёл лес, теперь чернел мёртвый круг. Не просто выжженная земля — пустота. Даже Эймара не могла сразу прорасти в этом месте. Оно было вырезано из её тела чужой волей.

Селена чувствовала эту рану внутри себя.

Каждый вдох отдавался болью под рёбрами.

Вандо стоял рядом. Его плечо было перевязано полосой ткани, рана на боку снова открылась, но он держался прямо. Слишком прямо. Так держатся те, кто боится упасть, если позволит себе расслабиться.

— Сколько у нас времени? — спросила Селена.

Он смотрел в небо.

— Если метка ушла полностью, Орден сможет вычислить точные координаты за несколько часов. Может, за день. Зависит от того, где находится их ближайший корабль.

— А если он уже рядом?

Вандо не ответил.

Это и было ответом.

Селена опустила ладонь на каменную ограду. Храм под пальцами был горячим. В его стенах, корнях и подземных залах двигалась тревога. Эймара собирала силы, но не знала, куда ударить. Невидимый враг был хуже любого зверя.

— Мы должны спрятать Сердце, — сказала она.

Вандо повернулся к ней.

— Сердце можно спрятать?

— Нет.

— Тогда что ты имеешь в виду?

Селена посмотрела на вход в храм. За колоннами сгустился зелёно-синий полумрак. Там, в глубине, куда не ступал никто, кроме жриц, находилось Сердце Эймары — не орган и не машина, а место, где сознание планеты касалось материи. Если Орден доберётся до него, он не просто захватит мир.

Он перепишет его душу.

— Сердце нельзя унести, — сказала она. — Но можно закрыть путь.

— Как?

— Песнью Первой Жрицы.

Вандо нахмурился.

— Это оружие?

— Это просьба.

Он усмехнулся без радости.

— Против Ордена просьбы обычно не работают.

— Она обращена не к ним.

Селена закрыла глаза.

Храм услышал её.

Далеко внизу, под их ногами, что-то ответило низким звоном — будто огромная струна дрогнула в толще планеты.

— Песнь разбудит древние слои Эймары, — сказала она. — Те, что спят ниже корней, ниже камня. Если они поднимутся, храм станет лабиринтом. Живым. Непроходимым.

— Тогда сделай это.

Она открыла глаза.

— Для Песни нужны двое.

Вандо понял не сразу.

Потом посмотрел на синие корни, всё ещё обвивавшие края террасы. Те самые, что послушались его во время атаки.

— Нет.

— Да.

— Селена, я едва понимаю, что произошло. Я не жрец. Я не знаю ваших ритуалов.

— Эймара знает твою кровь.

— Это не значит, что я могу войти в Сердце и не разрушить всё случайно.

— А если мы ничего не сделаем, Орден разрушит точно.

Вандо хотел возразить, но земля вдруг дрогнула.

Не от гнева Эймары.

От удара извне.

Высоко над облаками вспыхнула тонкая сеть красных линий. Они разошлись по небу, как трещины на стекле, и исчезли. Через несколько секунд воздух над долиной зазвенел.

Вандо побледнел.

— Они сканируют атмосферу.

— Уже?

— Это не основной корабль. Передовой рой.

Селена посмотрела на горизонт.

Сначала она увидела только туман. Потом в нём появились точки.

Чёрные.

Маленькие.

Много.

Они двигались не как птицы и не как машины. Они плыли в воздухе рваным, невозможным строем, то исчезая, то появляясь снова. Десятки, потом сотни. Над стеклянной пустыней поднимался рой.

Храм взревел.

Лианы сорвались с колонн. Камень раскрылся, выпуская светящиеся корни. В лесах под долиной проснулись звери — их крики накладывались друг на друга, превращаясь в дикий хор.

Вандо схватил Селену за руку.

— Внутрь. Сейчас.

Они побежали.

За их спиной первый рой ударил по склону.

Небо рассыпалось чёрными искрами. Маленькие дроны Ордена падали вниз, а затем раскрывались в воздухе, выпуская тонкие красные нити. Нити касались земли — и там, где они проходили, растения застывали, превращаясь в серые хрупкие статуи.

Эймара ударила в ответ.

Из леса поднялись стаи крылатых ящеров с прозрачными перепонками, светящимися изнутри. Они взмыли к дронам, разрывая их когтями и клювами. В воздухе вспыхнули первые взрывы — без огня, только яркие белые сферы, после которых дождём сыпался мёртвый металл.

Но рой был слишком большим.

Дроны опускались ниже.

Один пролетел над террасой и выпустил красную нить прямо в Вандо.

Селена не успела крикнуть.

Вандо резко поднял руку. Синий корень вылетел из стены храма, перехватил нить и почернел. Вандо вскрикнул, будто удар пришёлся по его собственной коже.

Селена подхватила его.

— Ты почувствовал?

— Да, — выдохнул он. — И мне это очень не нравится.

— Добро пожаловать в мою жизнь.

Несмотря на ужас, он коротко улыбнулся.

Потом потолок над ними содрогнулся.

Храм закрыл вход.

Каменные створки сошлись за их спинами, отрезая грохот битвы. Но тишина не наступила. Теперь война звучала внутри стен: корни скребли камень, где-то рушились галереи, вода в подземных каналах кипела от тревоги.

Селена повела Вандо вниз.

Не по главным залам, где лунные цветы ещё недавно осыпали их светящейся пылью. Она выбрала путь, известный только жрицам: узкую лестницу за алтарной нишей. Ступени уходили в темноту так глубоко, что свет над головой быстро превратился в маленькое зелёное пятно.

Вандо шёл за ней, тяжело дыша.

— Насколько глубоко?

— До места, где храм перестаёт быть храмом.

— Утешительно.

Сверху донёлся удар.

Потом ещё один.

По стенам побежали красные жилы.

Селена остановилась.

— Они внутри.

— Невозможно. Храм закрылся.

— Орден не ищет двери.

В тот же миг камень слева вспучился, будто изнутри его выдавила чужая кость. Поверхность треснула. Из разлома просунулась металлическая лапа.

Вандо рывком оттащил Селену назад.

Стена взорвалась.

В проход вывалились две машины — узкие, многоногие, с гладкими безликими головами. Они были меньше той, что напала на террасе, но двигались быстрее. Их тела почти сливались с тенью, только красные знаки на спинах пульсировали, как злые глаза.

Селена подняла руки.

Корни ударили снизу.

Первая машина подпрыгнула, увернулась, прошла лапами по стене и бросилась сверху. Вандо перехватил её в воздухе — не руками, а синим импульсом, сорвавшимся с его ладони. Машину отбросило о потолок. Она ударилась, но не сломалась.

Вторая уже неслась к Селене.

Та резко выдохнула.

Из камня перед ней выросли стеклянные шипы. Машина врезалась в них, раскалывая первые два, но третий пронзил её корпус. Красные искры брызнули Селене на лицо.

Первая машина спрыгнула за спину Вандо.

— Сзади! — крикнула Селена.

Он обернулся слишком поздно.

Лапа машины ударила его в грудь. Вандо отлетел на ступени и покатился вниз. Селена услышала его болезненный стон — и внутри неё что-то вспыхнуло.

Не страх.

Ярость.

— Не трогай его.

Её голос изменился.

Стал глубже.

В нём заговорила не только она.

Весь проход озарился зелёным светом. По стенам раскрылись десятки глаз-цветов — древних, слепых, чувствующих движение по теплу крови. Их лепестки дрогнули, и в воздух вырвались тонкие нити пылицы.

Машина замерла на долю секунды.

Этого хватило.

Камень под ней стал мягким, как плоть. Лапы провалились. Стена раскрылась и сомкнулась вокруг металлического тела, перемалывая его без звука.

Селена бросилась к Вандо.

Он лежал на ступенях, сжимая грудь. Из уголка губ текла кровь.

— Вандо!

— Жив, — прохрипел он. — Всё ещё плохая привычка.

Она помогла ему подняться.

— Ты не дойдёшь.

— Дойду.

— Ты упрямый идиот.

— А ты собираешься петь с живой планетой под обстрелом. Не тебе судить.

Селена почти рассмеялась — коротко, нервно, сквозь слёзы, которых не позволила себе пролить. Потом обняла его за талию, принимая часть его веса на себя, и они продолжили спуск.

С каждым шагом становилось жарче.

Стены уже не были каменными. Они дышали. Под поверхностью двигались светящиеся жилы, как реки под тонкой кожей. Лестница закончилась, и перед ними открылся огромный подземный зал.

Селена знала его по снам.

Но наяву он был прекраснее и страшнее.

Зал Сердца не имел потолка — или потолок был так высоко, что терялся в темноте. В центре висела сфера из света, корней и воды. Она не стояла ни на чём, но от неё во все стороны расходились тысячи живых нитей, уходивших в стены, землю, небо, океаны и леса Эймары.

Сердце планеты.

Оно билось медленно.

Каждый удар отзывался в костях.

Селена опустилась на колени.

Вандо рядом замер.

На его лице не было страха. Только потрясение.

— Я видел звёздные колыбели, — прошептал он. — Чёрные дыры. Рождения лун. Но это

Сердце вспыхнуло синим.

Оно узнало его.

И вместе с этим узнаванием пришла боль.

Селена увидела обрывки памяти: Лиара, мать Вандо, стоящая в этом зале; слёзы на её лице; первая жрица, открывающая путь к звёздам; младенец, ещё не рождённый, но уже отмеченный песней Эймары.

Вандо пошатнулся.
— Она звала меня сюда.
— Да.
— Почему?
Селена смотрела на Сердце.
— Потому что Орден уже приходил.
Тишина стала тяжёлой.
— Когда? — спросил Вандо.
Сердце ответило вспышкой.
И зал превратился в прошлое.
Они увидели небо Эймары много лет назад.
Зелёное.
То самое, о котором говорила мать Вандо.
Тогда атмосфера светилась иначе. Леса были выше. Храм — моложе. А над долиной висел корабль Ордена: огромный, чёрный, похожий на затмение, которому придали форму.
Красные лучи вонзались в землю.
Жрицы стояли кругом у Сердца. Их было двенадцать. Они пели.
И среди них — Лиара.
Не жрица.
Носительница крови, способной связать Эймару с теми, кто рождён вне её.
Селена увидела, как Орден пытался переписать Сердце. Не уничтожить — подчинить.
Сделать из живой планеты узел управления, оружие, которое могло бы гасить флоты и менять биосферы целых миров.
Жрицы не смогли победить.
Они смогли только спрятать Эймару.
Переплели её сознание глубже. Закрыли память. Отрезали часть песен. Изменили само небо, чтобы Орден потерял след.
А Лиару отправили прочь.
С ребёнком в крови.
С ключом, который однажды должен был вернуться.
Видение оборвалось.
Вандо стоял неподвижно.
— Значит, я не случайность.
Селена тихо ответила:
— Никто из нас не случайность.
Сверху донёлся грохот.
Зал Сердца дрогнул. Одна из живых нитей над головой почернела и оборвалась. Селена вскрикнула, будто ей перерезали нерв.
Вандо подхватил её.
— Рой пробивается глубже.
Из дальних проходов послышался металлический стрёкот.
Селена поднялась.
— Нужно начинать Песнь.
— Что делать?
Она взяла его руки в свои.
— Не борись с тем, что услышишь.
— А если оно захочет забрать меня?
— Эймара не забирает.
Слова прозвучали слишком быстро.

Слишком привычно.

Вандо посмотрел на неё мягко, но прямо.

— Селена.

Она опустила глаза.

— Она учится.

Он сжал её пальцы.

— Тогда и я попробую.

Селена подошла к Сердцу. Свет от сферы ложился на её лицо, превращая кожу в полупрозрачную, почти неземную. Вандо встал напротив. Между ними билось Сердце планеты — огромное, древнее, раненое.

Селена запела.

Это была не песня в обычном смысле. В ней не было слов, но Вандо понял каждый звук. В первом тоне звучала земля после дождя. Во втором — боль дерева, срубленного чужой рукой. В третьем — дыхание ребёнка, впервые уснувшего на груди матери. В четвёртом — одиночество жрицы, которая всю жизнь слушала планету и почти забыла собственный голос.

Вандо закрыл глаза.

Синий свет поднялся по его рукам.

Он услышал ответ внутри себя.

Не голос матери.

Глубже.

Эймара пела его кровью.

Сначала он не мог повторить мелодию. Она была слишком огромной, слишком живой. Но потом в ней открылся второй путь — не жреческий, не земной. Звёздный. Лиара оставила его в нём, как спрятанный огонь.

Вандо запел.

Сердце вспыхнуло.

Снаружи храм содрогнулся так сильно, что с потолка посыпались сияющие капли минералов. Из проходов вырвались первые машины Ордена.

Пять.

Десять.

Двадцать.

Они ползли по стенам, потолку, полу, обходя корни, перепрыгивая через разломы. Красные знаки на их спинах замигали быстрее: цель обнаружена.

Селена не прервала Песнь.

Вандо тоже.

Машины бросились к Сердцу.

И тогда зал ожил.

Из-под пола поднялись древние стражи.

Не звери и не растения — что-то между. Огромные тела из коры, кристаллов и костяного белого камня. У них не было лиц, только светящиеся углубления, в которых горели зелёные звёзды. Они спали веками под храмом, ожидая Песни.

Теперь они проснулись.

Первый страж ударил рукой по полу. Ударная волна расколола камень и швырнула машины в воздух. Второй раскрыл грудь, и из неё вылетела стая световых мотыльков. Они садились на корпуса дронов — и те взрывались без пламени, рассыпаясь чёрным песком.

Но Орден уже приспособливался.

Одна из машин выпустила красное кольцо. Оно прошло через стража, и его кристаллы погасли. Существо упало на колени, превращаясь в серую статую.

Селена дрогнула в песне.

Вандо усилил голос.
Синий свет вокруг него стал ярче.
Сердце ответило.

Пол зала раскрывлся, и оттуда поднялась вода — не обычная, а звёздная, тёмная, с серебряными искрами. Она хлынула по залу волной, но не коснулась Селены и Вандо. Машины попытались подняться по стенам, однако вода догнала их, обвила, затянула в глубину, где металл смялся под давлением живой стихии.

На мгновение показалось, что они победят.
Потом из главного прохода вошёл он.
Не дрон.
Не машина.
Человек.

Высокий, в чёрной броне без швов. Лицо скрывала гладкая маска, на которой не было глаз, только вертикальный красный разрез. Он шёл спокойно, будто битва вокруг была не более чем дождём.

Страж бросился на него.
Человек поднял руку.
Страж остановился в воздухе.
Его огромное тело задрожало, а затем рассыпалось на тысячи сухих лепестков.
Селена едва не сорвалась.
Вандо открыл глаза.
Он узнал броню.
— Инквизитор, — прошептал он сквозь песню.
Человек повернул голову к нему.
И заговорил.
Голос прозвучал прямо в их сознании:
— Кровь Лиары вернулась. Хорошо. Орден ждал.
Селена продолжала петь, но её голос стал острее, как лезвие.
Инквизитор сделал шаг к Сердцу.
Вся Эймара ударила по нему.

Корни, вода, свет, ветер из подземных расщелин — всё обрушилось разом. Но вокруг инквизитора возникло красное поле. Живое не могло пройти через него. Корни чернели. Вода испарялась. Свет ломался.

— Они принесли поле пустоты, — сказал Вандо. — Сердце не сможет его коснуться.
— А мы?
Он посмотрел на неё через сияние.
Песня связывала их так глубоко, что Селена услышала его мысль раньше слов.
Он собирался выйти из круга.
— Нет, — сказала она уже вслух.
Песнь дрогнула.
Сердце потемнело.
Инквизитор сделал ещё шаг.
— Вандо, нет!
— Продолжай петь.
— Он убьёт тебя.
— Возможно.
Он улыбнулся ей — устало, нежно, без страха.
— Но если ты остановишься, он заберёт всё.
Вандо отпустил её руки.

Селена почувствовала эту потерю почти физически, как разрыв кожи. Но он не ушёл полностью. Песня всё ещё держала их невидимой нитью.

Вандо шагнул навстречу инквизитору.

Серебряно-синие линии под его кожей пылали. Он поднял обломок кристалла, отломившийся от стража, и сжал его в ладони. Кристалл вспыхнул, превращаясь в длинное изогнутое лезвие из света.

Инквизитор остановился.

— Ты не обучен.

— Зато очень зол.

Он атаковал.

Движение было стремительным, почти невозможным для раненого человека. Вандо скользнул под красной дугой поля, ударил лезвием по броне. Искры брызнули в темноту. Инквизитор даже не отступил. Он ответил коротким жестом — и Вандо отбросило к стене.

Селена запела громче.

Её голос поднялся к вершинам зала, ударил в Сердце и разошёлся по всей планете.

Снаружи началось чудо.

Храм раскрылся.

Не разрушился — раскрылся, как гигантский цветок. Его башни раздвинулись, корни поднялись из земли, колонны повернулись к небу. Над долиной вспыхнули тысячи светящихся растений. Леса, горы, реки, пустыни — всё ответило Песни.

Эймара просыпалась полностью.

Инквизитор резко повернулся к Сердцу.

— Преждевременно.

Вандо поднялся, сплёвывая кровь.

— Что, планы нарушились?

Инквизитор бросился к нему.

Теперь он двигался быстрее, чем человеческий глаз мог уследить. Вандо едва успевал отражать удары. Красное поле резало камень, синий клинок оставлял следы света. Каждый их удар вызывал вспышку, от которой зал на миг становился белым.

Селена пела.

Слёзы текли по её лицу, но голос не ломался.

Она чувствовала, как Эймара поднимает древние слои. Подземные океаны меняют течение. Горы сдвигают внутренние хребты. В стеклянной пустыне осколки начинают вращаться, собирая вокруг себя бурю из лунного света.

Но инквизитор был слишком близко.

Он выбил клинок из руки Вандо и ударил его в грудь. Вандо упал у самого края Сердца. Красная энергия обвила его горло.

— Кровь ключа принадлежит Ордену, — сказал инквизитор.

Селена перестала петь.

Тишина упала страшнее грома.

Сердце мигнуло.

Инквизитор повернулся к ней.

— Ошибка.

Селена медленно подняла голову.

В её глазах больше не было страха.

— Да, — сказала она. — Твоя.

Она сделала то, чему её никогда не учили.

Не попросила Эймару.

Не приказала.

Не стала проводником.
Она открыла себя полностью.
Всю.

Свои воспоминания. Свой страх. Ревность планеты. Одиночество. Желание. Гнев. Поцелуй Вандо. Боль мёртвого леса. Тайну Лиары. Всё, что раньше Селена пыталась удерживать отдельно — жрица, женщина, дочь Эймары, свободное сердце, — стало одним.

Сердце планеты вспыхнуло ослепительно.

И впервые Эймара не поглотила её.

Она ответила любовью.

Не цепью.

Силой.

Селена шагнула вперёд.

Красное поле инквизитора задрожало.

Он поднял руку, пытаясь остановить её, но вокруг Селены уже поднималась не зелёная энергия храма. Вокруг неё горели все цвета Эймары: синий древних корней, золотой памяти, алый желания, серебряный крови Лиары, чёрный гнев пустыни, белый свет Сердца.

— Ты не можешь касаться пустоты, — произнёс инквизитор.

Селена протянула руку к Вандо.

— Я не касаюсь пустоты.

Вандо, задыхаясь, сумел поднять ладонь.

Их пальцы встретились.

— Я заполняю её.

Свет ударил.

Не взрывом.

Песней.

Она прошла через зал, через храм, через мёртвый лес, через стеклянную пустыню, через небо, где ещё кружил рой. Все красные нити Ордена вспыхнули и оборвались. Машины в подземных коридорах замерли, а затем раскрылись цветами — металлические корпуса разошлись лепестками, внутри которых проросли живые побеги.

Инквизитор закричал.

Его поле пустоты начало схлопываться. Красный разрез на маске треснул. Из-под брони вырвался холодный свет — не кровь, не жизнь, а что-то выжженное, пустое.

Селена держала руку Вандо.

Вандо держал её.

Эймара пела ими обоими.

Инквизитор сделал шаг назад.

Потом ещё.

— Орден придёт, — прошипел он. — Сердце будет переписано. Все живые миры однажды замолчат.

Селена смотрела на него спокойно.

— Тогда мы научим их петь громче.

Свет сомкнулся.

Инквизитор исчез.

От него осталась только чёрная маска, расколотая пополам.

Когда всё стихло, Селена упала.

Вандо успел поймать её, хотя сам едва стоял. Они опустились на пол у подножия Сердца. Вокруг них медленно кружили световые мотыльки. Древние стражи, уцелевшие в битве, снова опускались в камень. Вода уходила в трещины, унося с собой обломки машин.

Сердце билось ровно.

Глубоко.

Сильно.

Селена лежала в руках Вандо и слушала этот ритм. Он больше не звучал как приказ. Не давил. Не требовал.

Он просто был рядом.

Как дыхание дома.

Вандо коснулся её щеки.

— Ты остановила его.

— Мы.

Он хотел улыбнуться, но поморщился от боли.

— Мне нравится, когда ты говоришь это слово.

Селена закрыла глаза на мгновение.

— Не привыкай. Я всё ещё могу передумать.

— По поводу «мы»?

Она открыла глаза.

— По поводу того, что ты упрямый идиот.

Он тихо рассмеялся — и тут же закашлялся.

Селена прижала ладонь к его груди.

— Молчи. Тебе нужно лечиться.

— Согласен. Но сначала

Он посмотрел на Сердце.

Сфера изменилась. В её глубине теперь горела новая нить — переплетение зелёного и серебряно-синего света. Связь Селены и Вандо стала частью Эймары.

Не оковами.

Обещанием.

Но радость длилась недолго.

Высоко над ними, в невидимых слоях неба, что-то ответило на смерть инквизитора.

Сердце дрогнуло.

Селена села, мгновенно забыв усталость.

— Что это?

Вандо поднял голову.

Сначала он ничего не услышал. Потом до него дошло: не звук, а отсутствие звука. Кусок космоса над Эймарой стал слишком тихим.

Так тихо бывает перед появлением огромного корабля.

Сердце показало им видение.

За пределами атмосферы, в тени одной из лун, открывался разлом. Из него медленно выходила чёрная армада. Не рой. Не разведчики. Не один корабль.

Флот.

Десятки вытянутых судов, похожих на осколки погасших звёзд, окружали гигантский центральный корабль. Его форма напоминала корону, повернутую зубцами к планете.

Вандо побледнел.

— Материнский ковчег.

Селена посмотрела на него.

— Сколько у нас времени?

Он ответил не сразу.

Потом сказал:

— До первого удара — меньше часа.

Селена медленно поднялась.

Она была истощена, ноги дрожали, голос почти пропал. Но внутри неё больше не было прежней растерянности. Эймара тоже изменилась. Планета боялась, но уже не пряталась от страха. Она знала врага. Знала свою боль. Знала свою песню.

Селена протянула руку Вандо.

— Тогда нам нужно подняться наверх.

Он принял её ладонь.

— У тебя есть план?

Сердце за их спинами вспыхнуло.

Селена посмотрела вверх — сквозь камень, корни, храм, облака, прямо туда, где приближался Орден Пустых Солнц.

— Да.

В её глазах отразилась целая планета.

— Раз они пришли за Сердцем, мы покажем им, как оно бьётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.